

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>

UDC 903.5(470.4)

LBC 63.48(235.47)-427.1

Submitted: 02.03.2025

Accepted: 26.05.2025

**THE EARLY SARMATIAN ELITE BASED ON THE RESULTS
OF ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE BURIALS
FROM A KURGAN NEAR THE CITY OF VOLZHISKY¹**

Olga A. Shinkar

Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture,
Volgograd, Russian Federation

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the burial rite and anthropology of the early Sarmatian elite. The study is based on the data on the four burials from a single kurgan near the city of Volzhsky and the anthropological materials (skeleton remains of five individuals: 4 male and 1 child). An integrated approach was applied in the study which includes the archaeological and anthropological materials description using craniometry and craniology and methods for describing the skeletons' pathological conditions. For a more accurate diagnosis of pathologies, the X-ray method was applied. As a result of examining the burial rite and the material culture elements, the burials were dated back to the late 2nd – early 1st century BC. The features of the burial rite and the extraordinary material obtained as a result of excavations allow us to attribute the burials to the elite one. Morphological diversity of the skulls from these burials was revealed by their specific features, which classify them as belonging to the Caucasoid types with broad and narrow cranial vaults. The wide-headed complex presented by a skull from burial 4 is characterised by a very wide forehead and face with a flat horizontal profile. In addition, the presence of an unintentional occipital deformation is a specific morphological feature of this skull. The study of the pathological condition of the skeletons revealed traces of systematic physical overload and increased traumatism. In addition, the skulls of the adult male individuals bear traces of changes in the type of vascular reaction, intracranial hypertension, etc. A possible wound to the 6th thoracic vertebra in a man from burial 2 can be attributed to a traumatic injury. A complete ankylosis of the 12th thoracic and 1st and 2nd lumbar vertebrae was revealed in a male from the same burial, which is a consequence of a compression fracture of the lumbar vertebra. Besides, a through wound of the frontal bone, most likely from an arrow or dart, was identified in a male from burial 4.

Key words: burial rite, kurgan, burial, physical type, early Sarmatian elite, craniology, pathology, Lower Volga region, burial ground.

Citation. Shinkar O.A., Balabanova M.A., Pererva E.V., 2025. Rannesarmatskaya elita po rezul'tatam arheologo-antropologicheskogo issledovaniya pogrebeniy odinochnogo kurgana u g. Volzhskiy [The Early Sarmatian Elite Based on the Results of Archaeological and Anthropological Study of the Burials from a Kurgan Near the City of Volzhsky]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 125-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>

**РАННЕСАРМАТСКАЯ ЭЛИТА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ
ОДИНОЧНОГО КУРГАНА У г. ВОЛЖСКИЙ¹**

Ольга Анатольевна Шинкарь

Волгоградский научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье дается описание погребального обряда и антропологии представителей раннесарматской элиты. Для исследования использовались данные по 4 погребениям одиночного кургана у г. Волжский и антропологические материалы (5 костяков: 4 мужских и 1 детский). В процессе подготовки работы использовался комплексный подход с включением описания археологических и антропологических материалов (краниометрия и краниоскопия, патологический анализ). Для более точной диагностики патологий применялся рентгенологический метод. Анализ погребального обряда и элементов материальной культуры позволил датировать погребения концом II – началом I в. до н.э. Особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря дают возможность отнести комплексы к погребениям элиты раннесарматского общества. Индивидуальная характеристика черепов из этих погребений показала их морфологическое разнообразие. Представлены типы широкоголовых и узкоголовых европеоидов. Широкоголовый комплекс определен на черепе из погребения 4. Он сочетается с очень широким лбом, широким и плоским лицом. Кроме того, морфологической особенностью этого черепа является наличие непреднамеренной затылочной деформации. Исследование патологического состояния скелетов выявило следы систематической физической перегрузки и повышенного травматизма. Кроме того, на черепях взрослых мужчин присутствуют изменения по типу васкулярной реакции, следы внутричерепной гипертензии и др. Из травматических повреждений следует отметить возможное присутствие раны на 6-м грудном позвонке мужчины из погребения 2; у него же был выявлен полный анкилоз 12-го грудного и 1-го и 2-го поясничного позвонков, являющийся следствием компрессионного перелома; на лобной кости мужчины из погребения 4 было обнаружено сквозное ранение, вероятнее всего, стрелой или дротиком.

Ключевые слова: погребальный обряд, курган, погребение, физический тип, раннесарматская элита, краниология, патология, Нижнее Поволжье, могильник.

Цитирование. Шинкарь О. А., Балабанова М. А., Перерва Е. В., 2025. Раннесарматская элита по результатам археолого-антропологического исследования погребений одиночного кургана у г. Волжский // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 125–148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>

Введение

История изучения кочевой элиты савромато-раннесарматского времени берет свое начало с исследований М.И. Ростовцева, который на материалах прохоровских курганов сделал вывод о том, что они были оставлены «конными наездниками иранского происхождения», и относил их к господствующей верхушке [Ростовцев, 1918, с. 80, 81]. Эта и все

последующие работы отражают ситуацию, связанную с более ранним, савромато-раннесарматским временем, VI–III вв. до н.э., и территорией Южного Приуралья, так как именно на это время и на эту территорию приходится наибольшее количество захоронений, которые можно отнести к элите [Граков, 1947; Смирнов, 1964; 1981, с. 88; Мышкин, 2010; 2013; Пшеничнюк, 2012; Яблонский 2015; Гуцалов, 2007; 2009; и др.].

Что касается территории Нижнего Поволжья, то здесь было открыто большое количество памятников II–I вв. до н.э., но очень мало комплексов, которые по набору вещей и особенностям погребального обряда можно было бы отнести к элитным. Тем не менее в редких случаях они известны. К этой серии принадлежат парные захоронения мужчины старческого возраста и молодой женщины из могильников Белокаменка II, кург. 7, погр. 3; Майеровский III, кург. 4, погр. 3 и погр. 4 кург. 27 могильника Жутово, а также одиночные захоронения из погр. 45 из могильника близ Косики, погр. 1 одиночного кургана курганной группы 37 у с. Яшкуль и др. [Мордвинцева, Шинкарь, 1999; Скворцов, Скрипкин, 2008; Скрипкин, Шинкарь, 2010; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993; Очир-Горяева, 2019].

А.С. Скрипкин считал, что все вышеперечисленные погребения относятся к единому хронологическому пласту конца II – I в. до н.э., и связывал их с отходом кочевых группировок от границ Китая под давлением хунну [Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 108]. При этом автор не исключал, что все имеющиеся в погребениях вещи могли быть реликвиями, так как они изначально могли иметь более раннее бытование на территории обитания хунну.

Из статусных раннесарматских погребений хорошо изучены воинские захоронения с набором вооружения, включающим длинный меч, кинжал (или несколько кинжалов) и колчан со стрелами [Клепиков, 2015; 2016]. По мнению В.М. Клепикова [2016, с. 107], данные захоронения, которые на территории Нижнего Поволжья, в отличие от памятников Южного Приуралья и Нижнего Дона, представлены массово, «демонстрируют статус вождя клана».

Этот небольшой перечень элитных захоронений пополнился новыми материалами, полученными в результате раскопок 2023 г. одиночного кургана, расположенного у г. Волжского. Раскопки проводились археологической экспедицией ГБУ «ВОНПЦ по охране памятников». В процессе проведения спасательных работ на территории объекта археологического наследия федерального значения «Одиночный курган № 20 высотой до 3 м» были вскрыты погр. 2–5, датирующиеся сарматским временем. Останки погребенных из

полностью разрушенных могил 2 и 5 были обнаружены в обширной грабительской яме в центре кургана. Погребения 3 и 4 оказались целыми и содержали богатый погребальный инвентарь. Так как курган был расположен на окраине г. Волжского, то памятник решено ввести в научный оборот под названием «одиночный курган у г. Волжский» (рис. 1).

В связи с уникальностью материалов погребений, содержащих большое количество вещей из драгоценных металлов, реставрация и научный анализ которых еще не завершены, было принято решение дать предварительную публикацию антропологических материалов погребений.

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили результаты раскопок 4 погребений, которые включали описание особенностей погребального обряда, вещевого комплекса и антропологический материал.

Описание половозрастных характеристик и морфологического типа черепов 5 индивидов (4 мужчины и 1 ребенок) основано на их индивидуальной характеристике, методика описания которой стандартная и дается на положении цифровых значений различных размеров черепа и их производных в системе среднемировых значений, приведенных у В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964, табл. 4–11, с. 114–122] (см. таблицу). При определении патологических состояний применялась стандартная программа, разработанная А.П. Бужиловой [1998], которая была дополнена рентгенологическим исследованием отдельных частей скелета. Травматические повреждения описывались в соответствии с руководствами судебной медицины и достижениями современной палеопатологии [Ortner, Putschar, 1981; Крюков, 1990; Нагорнов, Солохин, 2001; и др.].

Анализ и обсуждение результатов

Археологический контекст

В процессе археологических исследований были получены следующие результаты. По нивелировочным данным, снятым до начала раскопок, высота кургана составляла

2,49 м; его диаметр – 42 м (рис. 2). У кургана фиксировался кольцевой ров (ров 2) шириной до 10 м, с небольшим разрывом в северо-западной части. В процессе снятия насыпи и прокопки рвов были обнаружены тризны, состоящие из костей лошади с черепом, большого набора костных остатков мелкого рогатого скота (7 особей), другого набора костных остатков мелкого рогатого скота (2 особи) и фрагментов костей крупного рогатого скота.

Стратиграфическое наблюдение позволило определить, что курган был сооружен на микровозвышенности высотой около 15 см и диаметром около 5 м. Верхняя часть элемента рельефа была занята солонцом средним, а участки вокруг возвышенности были заняты каштановыми зональными почвами. Насыпь кургана возводилась в 2 этапа. Курган состоял из первичной, возведенной над основным погр. 2, и мощной – вторичной, сооруженной над впускными погр. 3 и 4. Первичная насыпь (насыпь 1) имела высоту до 1,9 м, диаметр – 28 м, ее окружал серповидный ровик (ров 1) шириной до 1,5 м, глубиной до 0,8 м от уровня ПП (и 0,5 м от уровня материка), прослеженный с юго-западной, южной, юго-восточной, восточной и северо-восточной стороны. Насыпь сложена из гумусовых блоков в форме параллелепипедов, представляющих собой вырезанные куски почвы до глубины около 30 см. Сооружение курганов из гумусовых блоков характерно для раннесарматского времени на территории междуречья рек Волги и Урала [Ельцов, 2020]. На краевых частях поверхности первой насыпи отмечены следы делювиального сноса грунтового материала. Здесь насыпь с поверхности «укреплена» обмазкой из серо-желто-бурого среднего суглинка с характерной плитчатой структурой, представлявшей собой материал верхнего почвенного горизонта А1, замешанного с водой. Такая обмазка свидетельствует о необходимости сохранения первичной насыпи от естественных разрушений. За пределами ровика (ров 1) погребенная почва не фиксируется, что, вероятно, связано с вырезанием дерновых блоков, использованных для возведения насыпи 2.

Вторичная насыпь (насыпь 2) полностью перекрывала насыпь 1 и ее ровик (ров 1). Эта насыпь представляла собой мощное сооруже-

ние, сложенное из серого легкого суглинка комковато-пылевидной структуры. По краям насыпь была сложена из пестрого светло-желтого легкого суглинистого материкового материала. Мешаный материал для сооружения насыпи 2, вероятно, брался из большого кольцевого рва (ров 2), окружающего курган. Насыпь 2 имела диаметр 42 м, мощность под ЦР – 1,1 м. Из произведенных наблюдений и стратиграфических данных установлено, что между насыпями совсем отсутствовал гумусированный слой; фиксировались лишь следы «укрепления» поверхности в виде обмазки, которую перекрывала вторичная мощная насыпь данного кургана. Из чего следует, что сооружение насыпи 2 произошло через небольшой промежуток времени (вероятно, в том же году, что и насыпь 1).

Погребенная почва (там, где она была прослежена) состояла из коричневого плотного гумусированного суглинка мощностью до 0,3 м. Вокруг центрального погр. 2 на погребенной почве была сделана площадка из желто-бурого материала почвообразующей породы – среднесуглинистого материала (с глубины ниже 1 м) диаметром около 13 м, мощностью от 1 до 1,5 см. Под погребенной почвой на глубине 3 м от 0 фиксировался материк – легкий желтый суглинок с включением на отдельных участках слоя песчаных линз с раковинами двустворчатых моллюсков дрейсен (*Dreissena polymorpha*), которые относятся к морским раннехвалынским отложениям².

При раскопках кургана установлено, что основное погр. 2 располагалось в центре кургана. Вокруг него в условном круге находились впускные погр. 3 и 4 (рис. 2). Погребения 2–4 датируются раннесарматским временем. Позднее в центральную часть кургана в насыпь было впущено погр. 5. Погребение оказалось ограбленным в древности, удалось собрать фрагменты человеческого скелета. По обряду погребения, фрагментам железного меча и невыразительным фрагментам керамики погр. 5 относится к сарматскому времени, точнее определить не представляется возможным. В эпоху Средневековья в центральную часть кургана неглубоко было впущено погр. 1. Материалы данного погребения в статье не анализируются.

В центральной части кургана фиксировалась обширная грабительская яма, пробиравшая обе насыпи и уходящая в материк. В ней на различной глубине обнаружены фрагменты человеческих костей, железные предметы, деревянные плашки и фрагменты бревен, некоторые со следами обугливания. Кроме того, найдены фрагменты костей животных (КРС), ярко окрашенные в зеленый цвет. Данный факт свидетельствует о длительном нахождении костей в большом бронзовом котле. К сожалению, сам котел обнаружить не удалось. С уровня материка грабительская яма стала круглой.

Погребение 2. В процессе раскопок яма превратилась из круглой в прямоугольную, ориентированную по линии С – Ю, с высокой ступенькой у торцевой северной стенки. На дне ямы и на ступеньке фиксировались ямки от столбовой конструкции, державшей перекрытие из мощного слоя камышового настила, который частично удалось проследить. Погребение ограблено в древности. На дне ямы сохранилась в нетронутom виде правая нога взрослого человека, судя по которой погребенный был ориентирован головой на юг. Дно ямы фиксировалось на глубине 8,82 м от 0. В заполнении встречались фрагменты железного меча, железных стрел, стеклянные бусы, фрагменты керамики, кости овцы, фрагменты железных и бронзовых предметов, фрагмент золотой фольги. Погребение является основным в кургане.

После возведения / создания первичной насыпи, через короткий промежуток времени (вероятно, в том же году), в условный круг, центр которого составляет погр. 2, на значительном удалении от него были впущены погр. 3 и 4. Они прорезали насыпь 1 и уходили глубоко в материк. После совершения этих погребений была возведена мощная насыпь 2. Рядом со входными ямами погр. 3 и 4 на поверхности насыпи 1 фиксировались площадки, выложенные корой со следами тризны (кости животных).

Погребение 3 (рис. 3). Погребение обнаружено в юго-западном секторе кургана, на расстоянии 15,10 м от ЦР. Прямоугольная входная яма длиной осью ориентирована по линии СЗ – ЮВ. В северо-восточной стенке входной ямы был устроен подбой длиной

3,20 м, шириной 2,06 м, глубиной 5,96 м от 0. Входная яма отделялась от камеры подбоя покатою ступенькой. Вход в подбой закрывали стоявшие вертикально тонкие деревянные плашки.

На дне подбоя в гробах из тонких досок лежали два погребенных – мужчина (скелет 1) и ребенок (скелет 2). Скелет мужчины располагался у дальней стенки, ребенок вдоль ступеньки. Погребенные были ориентированы головами на ЮВ. Оба лежали на спине, руки и ноги вытянуты вдоль тела. Погребенные были посыпаны слоем мела. Мел фиксировался на костях и особенно толстым слоем под ними, в пределах гробов.

Погребение 4 (рис. 4). Погребение обнаружено на расстоянии 11,10 м к В – ЮВ от ЦР. Прямоугольная входная яма была ориентирована длиной осью по линии С – Ю. Во всю длину западной стенки входной ямы устроен подбой длиной 2,30 м, шириной 2,86 м, глубиной 6,12 м от 0. Вход в подбой закрывали вертикально стоящие тонкие деревянные плашки.

На дне подбоя в гробу из тонких досок с крышечкой обнаружен скелет мужчины, который лежал вытянуто на спине, головой на юг. Правая рука немного отставлена и вытянута вдоль тела, левая незначительно согнута в локте, отведена от туловища; ноги вытянуты, широко разведены. Погребенный был усыпан белым мелом. Мел фиксировался на костях и под ними.

Погребения 3 и 4, судя по размерам кургана, погребальных конструкций и сопровождающему инвентарю, принадлежат к высшей сарматской знати. Оба погребения оказались не тронутыми грабителями. В подбойных могилах были захоронены 2 мужчины-воина и ребенок. Погребенные были в одежде, расшитой золотыми бляшками, при них были найдены золотые гривны, браслеты, портупейные пряжки. Рядом с воинами находились бронзовые зеркала с костяной (бивень слона?) и хрустальной ручками, железные копья, железные мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием, колчаные наборы с железными стрелами. Мечи и колчаны были украшены золотыми обкладками с изображением животных в зверином стиле. В погребения были помещены бронзовые котлы, серебряные со-

суды, золотые ритоны, серебряные туалетные сосудики, серебряные тарелки. Вся металлическая посуда, найденная в погребениях, была парная. На внешних сторонах серебряных сосудов изображены сцены из греческой мифологии, фигуры героев даны в высоком рельефе. Фигуры на сосудах подписаны именами на греческом языке, на дне каждого сосуда с внешней стороны выбит его вес и греческое имя, предположительно мастера. Большинство предметов роскоши, обнаруженных в исследованных комплексах, настолько уникальны, что не находят аналогий среди древностей сарматского круга и в поисках их происхождения отсылают к отдаленным территориям, как к западу, так и к востоку от Нижнего Поволжья.

После завершения раскопок начался длительный процесс по реставрации найденных предметов. Вполне возможно, что после окончания реставрационных работ некоторые категории находок позволят сузить дату этих погребений. Пока можно предположить, что погр. 2, 3 и 4 датируются концом II – началом I в. до н.э. Эту дату дают некоторые точные аналогии нашим находкам. Так, золотая портупейная пряжка с решетчатым геометрическим орнаментом имеет тождественные находки в материалах Ордоса, Забайкалья и Монголии. Другая пряжка с изображением копытного животного, вписанного в прямоугольную рамку, со шпеньком-застежкой в виде головы хищной птицы также имеет восточное происхождение.

Антропологический контекст

Погребение 2. Изучалась мозговая капсула без нижней челюсти и отдельные кости посткраниального скелета (ребра, ключицы, левая лопатка, рукоятка грудины, дистальный конец левой плечевой кости, диафизы костей правого предплечья, правая бедренная кость, большие и малые берцовые кости, правая тазовая кость, позвонки всех 3 отделов, кости кисти и стопы). Черепная коробка носит на себе следы непреднамеренной искусственной деформации колыбельного типа. Определение пола основывалось на признаках полового диморфизма черепа и посткраниального скелета, комплекс которых позволил диагностиро-

вать его как мужской [Алексеев, Дебец, 1964]. Общее физическое состояние черепа и костей посткраниального скелета на момент смерти демонстрирует почти полную облитерацию швов, даже височных, но исходя из наличия слабой изношенности костно-суставного аппарата, незначительной стертости зубов, ему было не больше 40 лет.

В связи с отсутствием фрагментов и целых костей как мозгового, так и лицевого отделов черепа удалось реконструировать череп лишь частично, и поэтому часть признаков не удалось измерить. Череп длинный и узкий, по указателю долихокранный (см. таблицу, рис. 5,1). Его вертикальная норма ближе к эллипсоидной. Рельеф на черепе развит выше среднего, так как степень выраженности надпереносья 4 балла по Мартину, надбровные дуги и сосцевидные отростки – 2 балла, а наружный затылочный бугор мощный (4 балла). Лобная кость по наименьшей ширине средняя, а по углу поперечного изгиба резко профилированная. Высота изгиба лба средняя. Ее хорда и дуга длинные, а у теменной кости они короткие. Затылочная кость широкая [Алексеев, Дебец, 1964, с. 114–117].

Лицевой скелет широкий по линии верхней ширины с резкой горизонтальной профилировкой на уровне глазниц. Глазница крупная, по значениям ширины и высоты попадает в параметры очень больших величин, по указателю мезоконхная. Переносье узкое и высокое, а носовые кости широкие и высокие.

На правой половине лобной кости в 60 мм от антропологической точки «назион», в 65 мм от венечного шва и в 40 мм от верхней выйной линии зафиксирована доброкачественная опухоль «остеома» размером 11 × 7 мм, овальной формы (рис. 5,2). Новообразование длинной осью ориентировано перпендикулярно стреловидному шву.

На затылочной кости в месте прикрепления мышц *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus posterior major* зафиксировано увеличение рельефа костной ткани. Суставные поверхности затылочных мыщелков изношены, по краям выявлены разрастания. На костях свода черепа со стороны эндокрана наблюдаются следы развития синдрома внутрочерепной гипертензии в виде пальцевидных вдавлений.

На внешней поверхности костей свода черепа выявлены признаки васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки», балл 1. Также следует отметить преждевременную облитерацию черепных швов, что маркирует развитие преждевременного краниостеноза.

При изучении костей посткраниального скелета выявлены следующие особенности. Так, наблюдается деформация диафиза левой ключицы с формированием новообразованной массы на поверхности костной пластины (рис. 5,3). Визуальный осмотр и сравнение с диафизом правой ключицы позволяют указать, что анатомическая длина левой ключицы сократилась. На поверхности диафиза наблюдается образование костных экзостозов, которые в центральной и задней части полностью охватывают диафиз новообразованной костной тканью. Рентгенологическое исследование показало прижизненную деформацию кости. По верхнему контуру тела кости в месте перехода в акромиальный конец наблюдается развитие гиперостоза и мелких экзостозов от 0,3 до 0,5 мм. Структура модулярного канала кости не повреждена. На снимке наблюдаются следы от признаков реакции костной ткани на воздействие от давления мышц. Вероятно, выявленные изменения на ключице оказываются следствием полного сагиттального перелома суставной впадины левой лопатки. В результате данной травмы возникла редукция суставной впадины с частичным ее замещением ложным суставом (рис. 5,4). Кроме этого, в области акромиального сустава с левой стороны наблюдается развитие артрита.

На левой большой берцовой кости, на медиальной поверхности в верхней части диафиза выявлено костное образование размером 10 × 8 мм, длинной осью ориентированное по продольной длине кости.

На 6-м грудном позвонке с левой стороны в центральной части, ближе к нижней реберной ямке, обнаружено слепое отверстие диаметром 9 мм (рис. 5,5). Входные края ровные, имеются следы продавливания компакты кости в полость глубиной до 15 мм. Внутри отверстия на стенках и на дне наблюдаются следы гиперостоза и воспалительного процесса. Рентгенологическое исследование показало, что в нижнем левом углу тела 6-го грудно-

го позвонка имеется костный дефект. Входное отверстие округлой формы до 7 мм, а глубина повреждения до 12 мм. Дефект на рентгенограмме имеет четкие контуры со сформированным склератизированным ободком в нижне-заднем отделе дефекта. Также наблюдается формирование кистовидного просветления размером до 3 мм в прилежащих костных тканях в результате нарушения трофических процессов. Предположительно данный дефект был получен в результате проникающего ранения стрелой спереди (со стороны груди) на уровне 6-го ребра.

Костно-суставной аппарат скелета носит на себе следы дегенеративно-дистрофических процессов в виде развития деформирующего артроза. Следы систематической физической перегрузки и повышенного травматизма наблюдаются и на позвоночном столбе. На 1-м, 3–6-м шейных позвонках обнаружены следы горизонтальных остеофитов и начальной стадии остеохондроза. Костные разрастания выявлены также на позвонках грудного и поясничного отделов позвоночника. На 11-м и 12-м грудном, а также на 1-м поясничном позвонках зафиксированы центрально ориентированные узлы «Шморля». Мышечный рельеф костей верхних конечностей развит хорошо на уровне 2–3 баллов, а на нижних конечностях средне – до 2-го балла.

Погребение 3, скелет 1. Изучалась черепная коробка, представленная мелкими фрагментами костей свода черепа и нижней челюсти, а также сильно разрушенный на отдельные части посткраниальный скелет взрослого мужчины 25–30 лет. Обследование фрагментов черепной капсулы показало наличие на ней следов васкулярной реакции 1-го балла на лобной и на затылочной кости. Нижнечелюстной сустав со следами начальной стадии артроза. Корни зубов оголены менее чем наполовину – начальная стадия пародонтита. На коронках наблюдаются отложения зубного камня светло-желтого цвета 1-го балла (рис. 6,1). На клыках верхней челюсти обнаружены единичные горизонтально ориентированные линии эмалевой гипоплазии, которые сформировались в возрасте 3–3,5 лет.

На основных суставах скелета (плечевой, акромиальный, локтевой, лучезапястный, коленный, голеностопный) выявлены следы

дегенеративных изменений в виде потертостей и мелких краевых разрастаний (деформирующий артроз).

Позвонки шейного, грудного и поясничного отдела поражены горизонтальным остеофитозом. Мышечный рельеф развит на костях верхних и нижних конечностей интенсивно на уровне 3-го балла.

Погребение 3, скелет 2. Изучалась представленная фрагментами черепная капсула и полный набор скелета ребенка. Возраст его, исходя из характера развития зубной системы 6,5–7 лет. На данный возрастной интервал указывают и продольные размеры костей посткраниального скелета (левая лучевая кость – 140 мм; правая бедренная – 254 мм; правая большая берцовая – 221 мм; левая бедренная кость – 255 мм).

Обследование черепной капсулы показало наличие на лобной кости со стороны эндокрана, в области пальцевидных вдавлений, по обеим сторонам от лобного синуса следов воспалительного процесса и субэпидуральных гематом (рис. 6,2). В левой орбите ребенка выявлены поротические изменения в виде «*sclera orbitalia*» 2-го балла (рис. 6,3). Также следует отметить следы пороза верхнего альвеолярного отростка, которые обнаружены и внутри альвеол, на задней подглазничной части верхнечелюстных костей, в подглазничной области обеих половинок верхней челюсти (рис. 6,4).

Из патологических проявлений отметим сильную стертость молочных моляров и премоляров до дентина. На зубах молочной смены зафиксированы минерализованные отложения светлого цвета 2-го балла. На клыках и резцах верхней и нижней челюстей выявлены горизонтально ориентированные линии эмалевой гипоплазии. Формирование данных дефектов было вызвано физиологическим стрессом, который возник у ребенка в возрасте 2,5–3,5 лет. Кроме того, на резцах присутствует лопатообразная форма, степень 1–2 [Зубов, 2006, с. 36].

Из особенностей на костях посткраниального скелета следует выделить миозиты на плечевых и больших берцовых костях (рис. 6,5,6).

Погребение 4. В сохранности черепная капсула, разломанная на крупные фрагменты,

нижняя челюсть, длинные кости верхних и нижних конечностей, фрагменты правой тазовой кости, разрушенные части ребер и трубчатых костей стоп и кистей. Останки принадлежат молодому мужчине возрастом 20–30 лет.

Антропологический тип, определенный по средним значениям краниологических признаков, позволяет говорить о том, что данный череп резко отличается от черепа из погребения 2 и характеризуется короткой, широкой и низкой мозговой коробкой (см. таблицу, рис. 7,1). Пропорции тотальных размеров черепа укладываются в брахикранные, ортокранные и тапейнокранные формы. Вертикальная норма черепа ближе к сфеноидной. Рельеф на черепе развит выше среднего: хорошо выражено надпереносье и сосцевидный отросток; средняя протяженность надбровных дуг и средняя выраженность выйных линий в области наружного затылочного бугра. Лобная кость широкая и по линии фронтотемпоральных точек, и по линии стефанион-стефанион. Ее профилировка в месте перегиба слегка уплощенная, а по углу лба назион-метопион чуть наклонная. Хорда и дуга как лобной, так и теменной кости средней длины. Затылочная кость очень широкая с короткой хордой и дугой.

Лицевой скелет и по скуловому диаметру, и по верхней ширине очень широкий. Верхняя высота лица находится в значениях средних величин, по лицевому указателю – эуриен. Горизонтальная профилировка лица определяется только по назомаллярному углу, и она ослабленная. Вертикальный профиль лица находится в параметрах ортогнатных величин по значению общелицевого угла. Нос высокий и среднеширокий по абсолютному размеру и узкий по указателю (лепторинный). Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму. Передне-носовая кость выражена выше среднего. Орбиты широкие и высокие по абсолютной высоте и средневысокие по указателю (мезоконхные). Переносье средней ширины, а носовые кости средней ширины и очень высокие. Угол выступающего носа большой, а клыковая ямка средней глубины.

На черепе присутствуют следы непреднамеренной искусственной деформации по

типу «бешика», а затылочная область искажена посмертной деформацией. Из дискретно-варьирующих признаков на черепе были зафиксированы: надглазничное отверстие слева; дополнительная кость в районе точки брегмы (очень крупная); дополнительные кости у точки астрион (справа) и в лямбдовидном шве. Кроме того, на резцах наблюдается лопатообразность, степень – 1 балл [Зубов, 2006, с. 36].

Изучение частей черепной коробки по программе патологического состояния показало наличие в центральной части лобной кости округлого сквозного отверстия диаметром 9×9 мм, располагающегося в 64 мм от антропологической точки назион и в 44 мм от нижнего края прямоугольной родничковой кости Os bregma, которая находится в месте одноименной антропологической точки (рис. 7,2). Вокруг дефекта с внешней стороны лобной кости наблюдается формирование воспалительного процесса (15 мм по окружности). Края ранения неровные, с признаками склероза в отдельных местах и образования незначительных костных мозолей. Стенки дефекта неровные, покрыты воспалительной костной тканью. На внутренней поверхности черепа края выходного отверстия неровные, заостренные. Наблюдается окостенение осколков по краям дефекта и развитие незначительного воспалительного процесса (рис. 7,2–4). Рентгенологическое изучение чешуи лобной кости показывает наличие округлого сквозного дефекта в центральной ее части диаметром 9 мм. На месте повреждения видны четкие неровные контуры с нарушением костной целостности как наружной, так и внутренней замыкательной пластины. На внутренней поверхности черепа в области дефекта, в нижнем его отделе, на снимке зафиксированы элементы остеосклероза с формированием костного выроста размером до 3 мм. Макроскопическое исследование показало на краях выходного отверстия 2 симметричных скола от предмета, которым было получено повреждение, вероятнее всего, граней стрелы или дротика.

В области ветви нижней челюсти с левой стороны обнаружены следы воспалительного процесса (рис. 7,5,6). Задняя и наружная часть и поверхность ветви покрыты периоститом, ко-

торый местами отслаивается от надкостницы. Рентгенологический анализ нижней челюсти показал наличие следов изменения структуры костной ткани на протяжении 15 мм в области перехода мышечкового отростка в вырезку нижней челюсти по передней поверхности. Контур костной ткани неровные, нечеткие с краевыми дефектами и мелкими кистовидными просветлениями, которые заканчиваются реактивным гиперостозом. Данные изменения могут быть следствием перенесенного местного воспалительного процесса, вызванного травмой.

На черепе мужчины также зафиксирована деформация верхних краев носовых костей, что могло быть вызвано прижизненной травмой. На черепной коробке мужчины зафиксированы признаки васкулярной реакции костной ткани по типу «апельсиновой корки» 3-го балла. Стертость зубов незначительная, дентин не обнажен. На коронках наблюдаются отложения зубного камня. На нижних клыках и первых премолярах зафиксированы множественные линии эмалевой гипоплазии.

На прямоугольном фрагменте второго правого ребра (?) (задняя часть в области суставной поверхности) зафиксирован фрагмент железного предмета со следами металлических окислов коричневого цвета (рис. 8,1,2). Вокруг дефекта образовались воспалительный процесс и зона развития некротического процесса. Макроскопическая идентификация дефекта позволяет говорить о возможном ранении (стрелой?).

Плечевые, лучезапястные суставы верхних конечностей, а также тазобедренные суставы нижних конечностей поражены деформирующим артрозом. Мышечный рельеф на длинных костях скелета развит интенсивно, на уровне 3-го балла.

Из выявленных на позвоночном столбе аномалий следует отметить срастание 2-го и 3-го шейного позвонка, редукцию зубовидного отростка и суставной ямки зуба на первом шейном позвонке (рис. 8,3,4). Данные отклонения, вероятнее всего, являются следствием родовой или детской травмы, которые привели к частичной потере подвижности головы (ограничены возможность поворота головы вправо и влево).

Из вышеприведенного описания кургана, погребений и вещевого комплекса следует,

что в кургане были погребены представители раннесарматской элиты. Датировка погребений концом II – началом I в. до н.э. вполне правомочна. А.С. Скрипкин определял этим временем и другие памятники раннесарматской элиты, которую отождествлял с аорсами [Скворцов, Скрипкин, 2008; Скрипкин, Шинкар, 2010, с. 136].

Что касается антропологического типа 2 погребенных, черепа которых удалось отретаврировать, следует отметить их морфологическое различие. Один из них характеризуется комплексом, сочетающим долихокранию с крупной глазницей и резко профилированным лицом, а второй – брахикранию в сочетании с широким средневысоким лицом, профилировка которого плоская на уровне глазниц, а сами они тоже широкие и высокие. Затылочная область на обоих черепах уплощена по типу «бешика», что может указывать на практику использования колыбели такой конструкции.

Анализ скелетов на патологическое состояние позволил реконструировать состояние здо-

ровья погребенных на момент их смерти. Прежде всего, следует отметить высокую травмированность скелетов, которая могла быть следствием участия мужчин в боевых событиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-68-00011 «Tempora incognita в истории Волго-Уральского региона: культурно-исторические, антропологические палеоэкологические предпосылки и последствия смены эпох и культур на рубеже поздней бронзы – в начале раннего железного века».

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-68-00011 “Tempora incognita in the history of the Volga-Ural region: cultural-historical, anthropological paleoecological prerequisites and consequences of the change of eras and cultures at the turn of the Late Bronze Age – at the beginning of the Early Iron Age”.

² Авторы статьи выражают благодарность работавшему на кургане М.В. Ельцову, к.б.н., в.н.с. Федерального научного центра агроэкологии РАН (ФНЦ агроэкологии РАН).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица. Индивидуальные размеры и указатели черепов из погребений одиночного кургана у г. Волжский

Table. Individual sizes and indexes of the skulls from burials of the detached kurgan near Volzhsky

№ по Мартину и др.	Признак	Погр. 2, ск. 2	Погр. 4	№ по Мартину и др.	Признак	Погр. 2, ск. 2	Погр. 4
		Муж.	Муж.			Муж.	Муж.
	возраст	30–40 лет	20–30 лет		возраст	Ст. 50 лет	25–35 лет
1.	Продольный диаметр	191	172	28.	Затылочная дуга		106
8.	Поперечный диаметр	130?	145	29.	Лобная хорда	118	110
8:1.	Черепной указатель	68,1	84,3	30.	Теменная хорда	109	112
17.	Высотный диаметр (ba-br)		129?	31.	Затылочная хорда		87
17:1.	Высотно-продольный индекс		75	28:27.	Затылочно-теменной индекс		84,8
17:8.	Высотно-поперечный индекс		89,0	29:26.	Изгиб лба	89,4	85,9
ОРВ.	Общеростовая величина		259,3	30:27.	Изгиб темени	90,8	89,6
М2.	Условное трансверсальное сечение	248,3	249,4	31:28.	Изгиб затылка		82,1
М3.	Условный трансверсальный объем		1608,6	Syb.Nß.	Высота изгиба лба	24,0	26,5
5.	Длина основания черепа		97?	Syb.Nß.: 29	Индекс выпуклости лба	20,4	24,1
20.	Ушная высота (ро-ро)		116	УИЛ.	Угол изгиба лба	135,8	128,5
9.	Наименьшая ширина лба	96	102	Syb.Nß.	Высота изгиба затылка		20,2
h/9	Высота над ft-ft точками	20,2	19,0	Syb.Nß.:31	Индекс выпуклости затылка		18,0
h/9:9	Указатель профиля лба над ft-ft точками	21,0		УИЗ.	Угол изгиба затылка		140,4
УПИЛ.	Угол поперечного изгиба лба	134,4	139,2	45.	Скуловой диаметр		152?
9:8.	Лобно-поперечный указатель	73,8	70,3	45:8.	Поперечный фацио-церебральный указатель		104,8
9:10.	Широтный лобный указатель	87,3	82,9	40.	Ширина основания лица		90
10	Наибольшая ширина лба	110	123	40:5.	Указатель выступания лица		92,8
11.	Ширина основания черепа		148?	48.	Верхняя высота лица		70,5
12.	Ширина затылка	117	125	48:17.	Вертикальный фацио-церебральный указатель		54,65
25.	Сагиттальная дуга		359	48:45.	Верхний лицевой указатель		46,4
26.	Лобная дуга	132	128	43.	Верхняя ширина лица	113	118
27.	Теменная дуга	120	125	46.	Средняя ширина лица		
54.	Ширина носа		54		Зиго-максиллярная хорда (по Абиндеру)		
55.	Высота носа		24,7		Высота subspinale над з/м хордой		
54:55.	Носовой указатель		45,7		Зиго-максиллярный индекс		
51.	Ширина орбиты (левая)	45,5	45	<zm?.	Зиго-максиллярный угол		
52.	Высота орбиты (левая)	38	38	32.	Угол профиля лба от назона		84
52:51.	Орбитный указатель (левая)	83,5	84,4	GM/FH	Угол профиля лба от глабеллы		72
МС.	Максило-фронтальная ширина	19,0	19,9	72.	Общий лицевой угол		85?
MS.	Максило-фронтальная высота	9,1	9,0	73.	Угол средней части лица		85?
MS:MC.	Максило-фронтальный указатель	47,9	45,2	74.	Угол альвеолярной части лица		85?
DC.	Дакриальная ширина	19,5	22,0	75.	Угол носовых костей к горизонтали		55
DS.	Дакриальная высота	13,0		75-1.	Угол носовых костей к линии профиля		30

Окончание таблицы

End of Table

№ по Мартину и др.	Признак	Погр. 2, ск. 2	Погр. 4	№ по Мартину и др.	Признак	Погр. 2, ск. 2	Погр. 4
	пол	Муж.	Муж.		пол	Муж.	Муж.
	возраст	30–40 лет	20–30 лет		возраст	Ст. 50 лет	25–35 лет
DS:DC.	Дакриальный указатель	66,7		Форма черепа сверху	ellips	sphaen	
SC.	Симотическая ширина	10,8	8,9	Надпереносье (по Мартину 1–6)	4	4	
SS.	Симотическая высота	7,5	7	Надбровные дуги	2	2	
SS:SC.	Симотический указатель	69,4	78,65	Наружный затылочный бугор	4	3	
FC.	Глубина клыковой ямки (справа)		4,9	Сосцевидный отросток	2	3	
43а.	Бимолярная хорда fmo-fmo	104,2	107,5	Нижний край грушевидного отверстия	–	Anthrop.	
	Высота назиона над б/м хордой	20,0	16,0	Передне-носовая кость	–	3	
	Назо-малярный индекс	19,2	14,9	Наличие непреднамеренной деформации (бешиковый тип)	–	+	
77.	Назо-малярный угол	138,2	146,8				

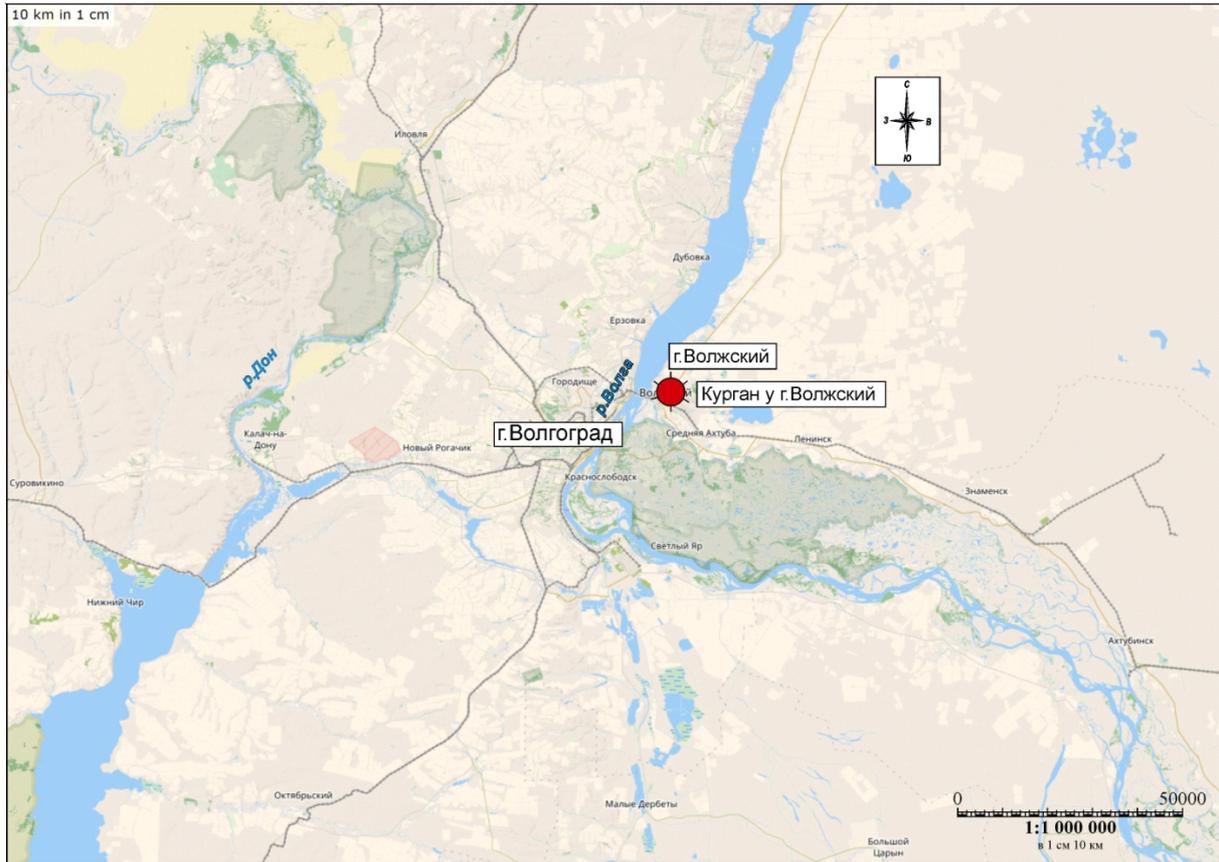

Рис. 1. Карта расположения памятника
Fig. 1. Map of the site location

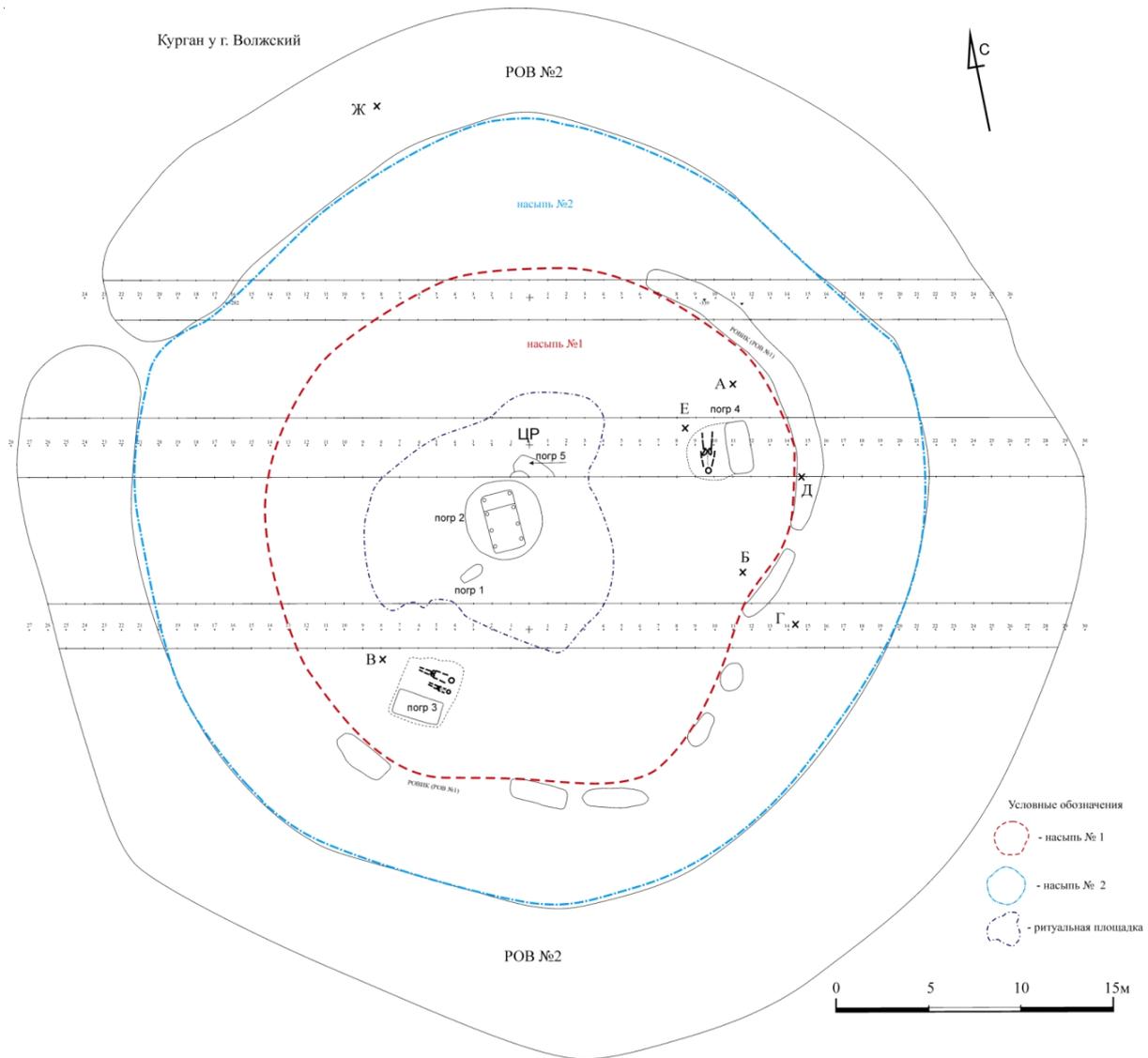

Рис. 2. План одиночного кургана у г. Волжский с находками в насыпи и во рву:

- План А – кости лошади с черепом; План Б – кость лошади – левая лопаточная кость;
 План В – большой набор костных остатков мелкого рогатого скота (7 особей);
 План Г – кость лошади – правая лопаточная кость; План Д – кости лошади – 2 ребра;
 План Е – большой набор костных остатков мелкого рогатого скота (2 особи);
 План Ж – кости крупного рогатого скота – челюсть

Fig. 2. Plan of the detached kurgan near Volzhskiy with finds in the mound and in the moat:

- Plan A – horse's bones with a skull; Plan Б – horse's bone (left shoulder bone);
 Plan В – large set of bone remains of small cattle (7 individuals);
 Plan Г – horse's bone (right shoulder bone); Plan Д – horse bones (2 ribs);
 Plan Е – large set of bone remains of small cattle (2 individuals); Plan Ж – cattle bones (jaw)

Погребение № 3 (скелет 1, скелет 2)

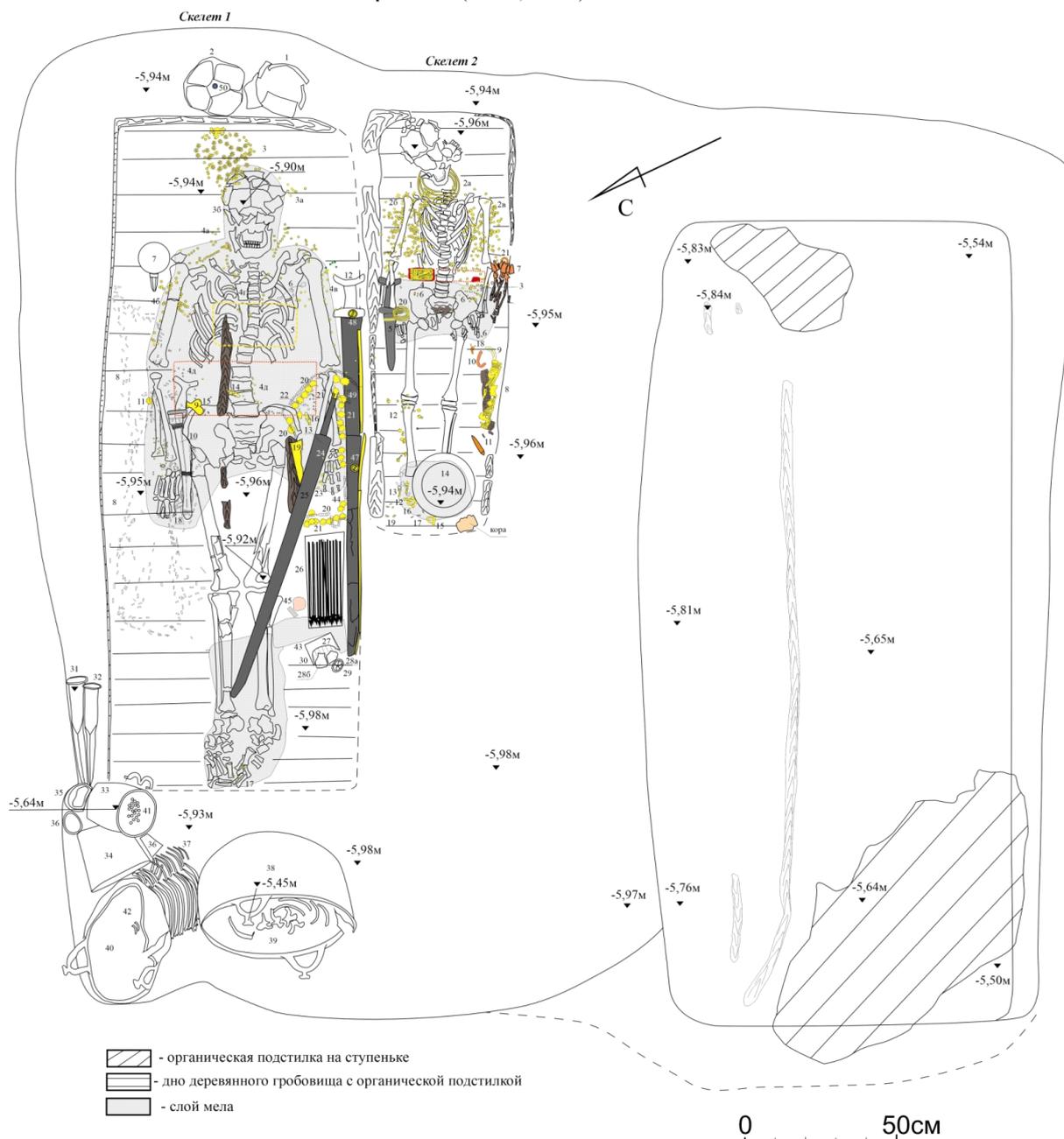

Рис. 3. Одиночный курган у г. Волжский, план погребения 3:

Скелет 1

- 1 – железный предмет (шлем?) (в реставрационной лаборатории на определение предмета);
 2 – кожаный красный подшлемник?; 3 – головной убор (фигура петуха, золотые бляшки); 4 – золотые бляшки с одежды; 5 – золотые нитки на груди; 6 – золотая фольга – фрагменты; 7 – бронзовое зеркало с рукояткой из горного хрусталя; 8 – золотые пронизки с плаща; 9 – золотая фигурная пластина на поясе; 10 – железный короткий меч с золотыми обкладками ножен; 11 – золотая застежка-пряжка меча; 12 – длинный железный меч с серповидным навершием и золотым обкладом ножен; 13 – длинный железный меч со штыревидной рукоятью; 14 – золотой оконечник ремня; 15 – золотые гвоздики; 16 – золотой оконечник ремня; 17 – золотые пронизки со ступней; 18 – золотая портупейная пряжка-крепление короткого меча; 19 – золотая обкладка горита; 20 – золотые спирали с кожаных ремешков горита; 21 – золотые восьмилепестковые бляшки с горита; 22 – золотые цилиндрические втулки-пронизки с горита; 23 – золотые полусферические бляшки с места расположения горита; 24 – золотые круглые бляшки с места расположения горита; 25 – золотая фольга в форме полуцилиндра с горита; 26 – железные стрелы в колчане; 27 – костяной гребень; 28 – серебряный сосудик (2 шт?); 29 – золотая брошь; 30 – серебряные нити (от сумочки?); 31 – железное копьё – большое; 32 – железное копьё – малое; 33 – серебряный сосуд; 34 – серебряный сосуд; 35 – золотой ритон-рог;

36 – золотой ритон-рог; 37 – ребра КРС; 38 – бронзовый котел – большой; 39 – кости лошади в большом котле № 38; 40 – бронзовый котел – малый; 41 – золотые бляшки в серебряном сосуде № 33; 42 – ребра КРС в малом котле № 40; 43 – железные фрагменты предмета (пряжка?) под костяным гребнем № 27; 44 – железный колчаный крючок, найден под колчаном; 45 – кусок мела с окаменевшим деревом (или сланцем?); 46 – золотая фольга, фрагменты; 47 – золотая портупейная застежка под лезвием железного меча № 12; 48 – золотая портупейная застежка под перекрестием железного меча № 12; 49 – золотое навершие с железного меча № 13; 50 – свинцовое кольцо под кожаным подшлемником

Скелет 2

1 – золотая гривна; 2 – золотые бляшки; 3 – костяные бусы; 4 – золотая пряжка; 5 – железный меч с золотыми обкладками ножен; 6 – золотые гвоздики; 7 – железные стрелы; 8 – золотая накладка на колчан; 9 – клык волка; 10 – железный колчаный крючок; 11 – железный нож; 12 – золотые бляшки с правой ноги; 13 – золотые спирали с правой ноги; 14 – серебряная тарелка – 2 штуки; 15 – золотая пряжка с левой ступни; 16 – золотая пряжка с правой ступни; 17 – золотые пронизки с ног; 18 – фрагменты золотой фольги у левой руки; 19 – фрагменты золотой фольги у правой ступни; 20 – золотой браслет; 21 – железное кольцо, пряжка (?)

Fig. 3. Detached kurgan near Volzhsky, plan of burial 3:

Skeleton 1

1 – an iron object (helmet?) (to be determined in the restoration laboratory); 2 – red leather arming cap (worn underneath the helmet?); 3 – headdress (rooster figure, gold plaques); 4 – gold plaques from clothes; 5 – gold threads on the chest; 6 – gold foil – fragments; 7 – bronze mirror with rhinestone handle; 8 – gold piercing from the cloak; 9 – gold curly plate on the belt; 10 – iron short sword with a gold-lined scabbard; 11 – gold sword buckle; 12 – a long iron sword with a crescent-shaped pommel and a gold sheath; 13 – a long iron sword with a pin-shaped handle; 14 – gold belt tip; 15 – gold nails; 16 – gold belt tip; 17 – gold piercing with the foot; 18 – gold belt buckle-fastening of a short sword; 19 – gold lining of the gorytos; 20 – gold spirals from the leather straps of the gorytos; 21 – gold eight-petalled plaques of the gorytos; 22 – gold cylindrical bushings pierced of the gorytos; 23 – gold hemispherical plaques from the location of the gorytos; 24 – gold round plaques from the location of the gorytos; 25 – gold foil in the shape of a half-cylinder of the gorytos; 26 – iron arrows in a quiver; 27 – bone comb; 28 – small silver vessel (2 pieces?); 29 – gold brooch; 30 – silver threads (from a handbag?); 31 – big iron spear; 32 – small iron spear; 33 – silver vessel; 34 – silver vessel; 35 – gold riton horn; 36 – gold riton horn; 37 – cattle ribs; 38 – large bronze cauldron; 39 – horse bones in a large cauldron No. 38; 40 – small bronze boiler; 41 – gold plaques in silver vessel No. 33; 42 – cattle ribs in small boiler No. 40; 43 – iron fragments of an object (a buckle?) under the bone ridge No. 27; 44 – iron quiver hook found under the quiver; 45 – piece of chalk with petrified wood (or slate?); 46 – gold foil, fragments; 47 – gold belt buckle under the blade of the iron sword No. 12; 48 – gold belt buckle under the crosshair of the iron sword No. 12; 49 – gold pommel from Iron Sword No. 13; 50 – lead ring under the leather arming cap

Skeleton 2

1 – gold neck hryvnia; 2 – gold plaques; 3 – bone beads; 4 – gold buckle; 5 – iron sword with a gold sheath; 6 – gold nails; 7 – iron arrows; 8 – gold lining on the quiver; 9 – wolf's fang; 10 – iron quiver hook; 11 – iron knife; 12 – gold plaques on the right foot; 13 – gold spirals on the right foot; 14 – silver plate – 2 pieces; 15 – gold buckle on the left foot; 16 – gold buckle on the right foot; 17 – gold piercing from the feet; 18 – fragments of gold foil on the left hand; 19 – fragments of gold foil at the right foot; 20 – gold bracelet; 21 – an iron ring, a buckle (?)

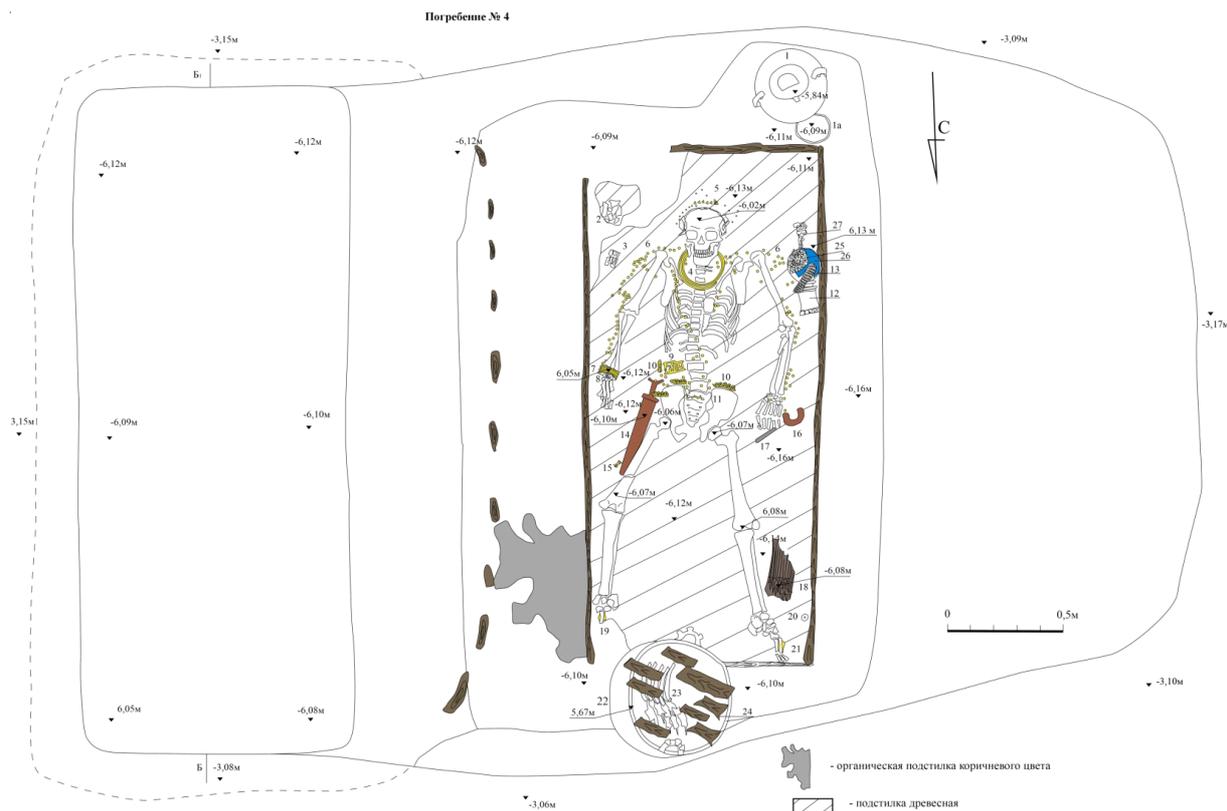

Рис. 4. Находки в погребении 4 одиночного кургана у г. Волжский:

- 1 – сероглиняный двуручный кувшин со сливом «непроливайка»; 1а – отпечаток со следами кожи;
 2–3 – бронзовые предметы (в реставрационной лаборатории на определение предметов); 4 – золотая гривна;
 5 – золотые бляшки (сердечки, круглые); 6 – золотые бляшки (нашивки на рубашке); 7 – золотой браслет;
 8 – две бусины внутри браслета; 9 – золотая поясная пряжка; 10 – золотые спирали; 11 – золотые гвоздики;
 12 – бронзовое зеркало с костяной рукояткой; 13 – костяная пластина, орнаментированная; 14 – железный кинжал;
 15 – золотая португейная пряжка; 16 – железный крючок-скоба; 17 – каменный оселок; 18 – железные стрелы;
 19 – золотая фольга на правом большом пальце ноги; 20 – свинцовое кольцо (ворворка);
 21 – золотая фольга на левом большом пальце ноги; 22 – бронзовый котел; 23 – кости лошади в котле;
 24–27 – набор ритуальных предметов и веществ (в реставрационной лаборатории на разборе и определении предметов)

Fig. 4. Finds in the burial 4 of the detached kurgan near Volzhsky:

- 1 – gray clay two-handed jug with a drain “no-spill cup”; 1a – imprint with traces of skin;
 2–3 – bronze objects (to be identified in the restoration laboratory); 4 – gold neck hryvnia;
 5 – gold plaques (hearts, circular); 6 – gold plaques (patches on the shirt); 7 – gold bracelet;
 8 – two beads inside the bracelet; 9 – gold belt buckle; 10 – gold spirals; 11 – gold nails;
 12 – bronze mirror with a bone handle; 13 – bone plate, ornamented; 14 – iron dagger;
 15 – gold belt buckle; 16 – iron hook-bracket; 17 – stone touchstone; 18 – iron arrows;
 19 – gold foil on the right big toe; 20 – lead ring (warp);
 21 – gold foil on the left big toe; 22 – bronze cauldron; 23 – horse bones in a cauldron;
 24–27 – set of ritual objects and substances (to be identified and analyzed in the restoration laboratory)

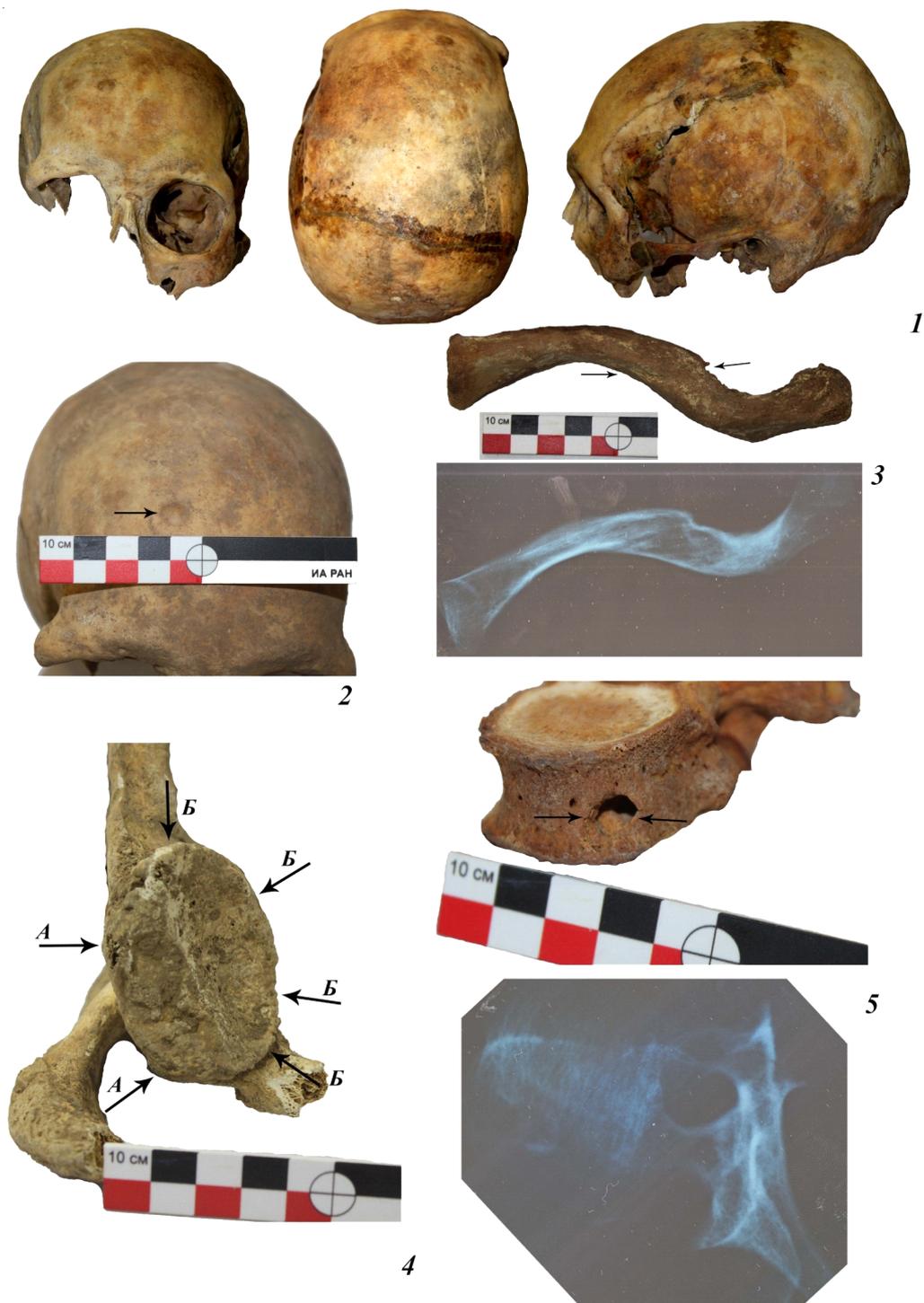

Рис. 5. Череп и патологические состояния на костях скелета мужчины (20–30 лет) из погр. 2 (скелет 2):

- 1 – череп мужчины (30–35 лет) из погр. 2 (скелет 2); 2 – остеома на лобной кости;
- 3 – деформация диафиза левой ключицы с формированием новообразованной костной массы;
- 4 – редукция после перелома суставной впадины лопатки с частичным ее замещением ложным суставом;
- 5 – следы проникающего ранения на 6-м грудном позвонке

Fig. 5. Skull and pathological conditions on the male skeleton bones (20–30 years old) from burial 2 (skeleton 2):

- 1 – male skull (30–35 years old) from the burial 2 (skeleton 2); 2 – osteoma on the frontal bone;
- 3 – deformation of the diaphysis of the left clavicle with the formation of a newly formed bone mass;
- 4 – reduction after a fracture of the glenoid cavity of the scapula with its partial replacement with a pseudoarthrosis;
- 5 – traces of a penetrating wound on the 6th thoracic vertebra

Рис. 6. Патологические состояния на костях скелетов мужчины и ребенка из погр. 3:

- 1 – зубной камень на нижней челюсти мужчины (скелет 1);
 2 – следы воспалительного процесса и субэпидуральных гематом на черепе ребенка 6–7 лет (скелет 2);
 3 – «cribra orbitalia» левой орбиты ребенка (скелет 2); 4 – следы пороза верхнего альвеолярного отростка ребенка (скелет 2); 5, 6 – миозиты больших берцовых и плечевой костях ребенка (скелет 2)

Fig. 6. Pathological conditions on the skeletons of a man and a child from burial 3:

- 1 – tartar on the lower jaw of a man (skeleton 1);
 2 – traces of an inflammatory process and subepidural hematomas on the skull of a 6–7 year old child (skeleton 2);
 3 – “cribra orbitalia” of the child’s left orbit (skeleton 2); 4 – traces of porosis of the child’s upper alveolar process (skeleton 2); 5, 6 – myositis of the tibia and humerus of the child (skeleton 2)

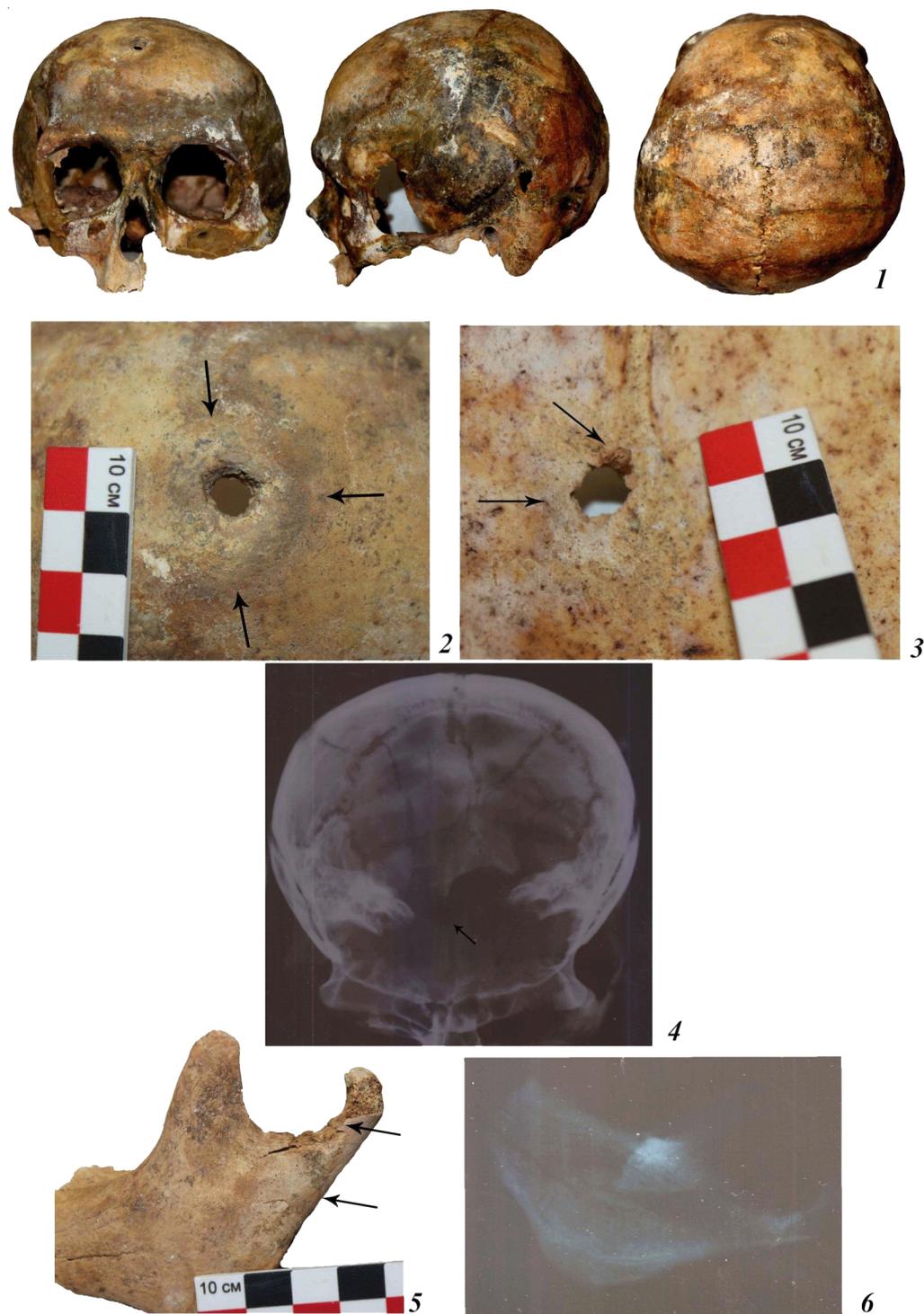

Рис. 7. Череп и патологические состояния на костях скелета мужчины (20–30 лет) из погр. 4:
1 – череп мужчины; 2 – сквозное отверстие на лобной кости мужчины с наружной стороны;
3 – выходное отверстие на лобной кости мужчины со следами воспалительного процесса и костных выростов;
4 – рентгенограмма черепа мужчины со сквозным отверстием в лобной кости;
5, 6 – следы воспалительного процесса на ветви нижней челюсти слева

Fig. 7. Skull and pathological conditions on the male skeleton bones (20–30 years old) from burial 4:
1 – male skull; 2 – penetrating wound in the frontal bone of the man from the outside;
3 – exit hole in the frontal bone of a man with traces of an inflammatory process and bone growths;
4 – X-ray of the male skull with a through hole in the frontal bone;
5, 6 – traces of an inflammatory process on the left branch of the lower jaw

Рис. 8. Патологические состояния на костях скелета мужчины (20–30 лет) из погр. 4:

1, 2 – следы металлических окислов в задней области суставной поверхности фрагмента второго правого ребра (?);
3, 4 – срастание 2-го и 3-го шейных позвонков

Fig. 8. Pathological conditions on the bones of the male skeleton bones (20–30 years old) from burial 4:

1, 2 – traces of metal oxides in the posterior region of the articular surface of a fragment of the second right rib (?);
3, 4 – fusion of the 2nd and 3rd cervical vertebrae

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф., 1964. Краниметрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 127 с.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Бужилова А. П., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый сад. С. 87–147.
- Граков Б. Н., 1947. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. № 3. С. 100–121.
- Гуцалов С. Ю., 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (30). С. 75–92.
- Гуцалов С. Ю., 2009. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар (Южное Приуралье) // Российская археология. № 3. С. 72–79.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // Вестник древней истории. 1993. № 3. С. 141–179.
- Зубов А. А., 2006. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М. : ЭТНО-ОНЛАЙН. 72 с.
- Ельцов М. В., 2020. Почвенно-археологические исследования кургана Жайык-1 // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 285–293. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.16>
- Клепиков В. М., 2015. К вопросу о возможностях социальной интерпретации раннесарматского общества Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. № 5 (35). С. 46–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>
- Клепиков В. М., 2016. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 104–109.
- Крюков В. Н., 1990. Судебная медицина. М. : Медицина. 432 с.
- Мордвинцева В. И., Шинкарь О. В., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 138–149.
- Мышкин В. Н., 2010. О субкультуре элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V веках до нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 170–190.
- Мышкин В. Н., 2013. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н. э. // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15, № 1. С. 219–225.
- Нагорнов М. Н., Солохин Ю. А., 2001. Классификация переломов свода черепа // Судебно-медицинская экспертиза. Вып. 5. С. 14–16.
- Очир-Горяева М. А., 2019. Погребение воина-всадника из курганной группы Яшкуль // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 4. С. 5–60. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60>
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Ростовцев М. И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Материалы по археологии России. Петроград : Девятая гос. тип. № 37. 124 с.
- Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С., 2008. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 98–116.
- Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., 2010. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // Российская археология. № 1. С. 125–137.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура. М. : Наука. 360 с.
- Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа : ИИЯЛБФАН СССР. С. 68–91.
- Яблонский Л. Т., 2015. Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Изд-во АГУ. С. 37–60.

Ortner D. J., Putschar W. G. J., 1981. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington, D. C. : Smithsonian Institution Press. 479 p.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Technique of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 127 p.
- Buzhilova A.P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology Methods of Biological Research]. Moscow, Staryy sad Publ., pp. 87-147.
- Grakov B.N., 1947. ГYNAIKOKPATOYMENOI: Perezhitki matriarhata u sarmatov [ГYNAIKOKPATOYMENOI: Remnants of Matriarchy in Sarmatians' Society]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of the Ancient History], no. 3, pp. 100-121.
- Gutsalov S.Yu., 2007. Pogrebal'nye pamyatniki kochevoy elity Yuzhnogo Priural'ya serediny I tys. do n.e. [Funeral Monuments of the Nomadic Elite of the Southern Ural in the Middle of the 1st Millennium BC]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 2 (30), pp. 75-92.
- Gutsalov S.Yu., 2009. Pogrebenie znatnogo kochevnika skifskogo vremeni v urochishhe Ilekshar (Yuzhnoe Priural'e) [Burial of a Noble Nomad at Ilekshar (South Urals), Scythian Time]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 72-79.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1993. Sarmatskoe pogrebenie skeptuha 1 v. n.e. u s. Kosika Astrahansko-y oblasti [The Sarmatian Burial of Skeptukh 1st Century A.D. near the Village of Kosika, Astrakhan Region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 141-179.
- Zubov A.A., 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov* [Methodological Guide for Anthropological Analysis of Dental Data]. Moscow, Etno-onlain Publ. 72 p.
- Eltsov M.V., 2020. Pochvenno-arkheologicheskie issledovaniya kurgana Zhayyk-1 [Pedoarchaeological Research of the Zhayyk-1 Kurgan]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 285-293. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.16>
- Klepikov V.M., 2015. K voprosu o vozmozhnostyakh social'noy interpretatsii rannesarmatskogo obshchestva Nizhnego Povolzh'ya [The Possibilities of Social Interpretation of Early Sarmatian Society in the Lower Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], no. 5 (35), pp. 46-52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>
- Klepikov V.M., 2016. Rannesarmatskie muzhskie pogrebeniya s dvumya mechami (k voprosu o sotsialnom statuse) [The Early Sarmatian Male Burials with Two Swords (on the Problem of Social Status)]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Konstantin Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Proceedings of the 9th International Scientific Conference on the Problems of Sarmatian Archaeology and History]. Orenburg, OSPU, pp. 104-109.
- Krukov V.N., 1990. *Sudebnaia meditsina* [Forensic Medicine]. Moscow, Meditsina Publ. 432 p.
- Mordvintseva V.I., Shinkar' O.V., 1999. Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Parade Daggers Keeping in Volgograd Museum of Local Lore]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 138-149.
- Myshkin V.N., 2010. O subkul'ture elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vekah do nashey ery [On Subculture of Nomadic Elite of Samara-Ural Region in the 6th – 5th cc. BC]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 170-190.
- Myshkin V.N., 2013. Tipy pogrebal'nogo obryada sotsial'noy elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n.e. [Types of Funeral Rites of the Nomads' Social Elite of the Samara-Ural Region in the 6th – 5th Centuries BC]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 15, no. 1, pp. 219-225.
- Nagornov M.N., Solokhin, Yu.A., 2001. Klassifitsiya perelomov svoda cherepa [Classification of Cranial Vault Fractures]. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza* [Forensic Medical Examination], iss. 5, pp. 14-16.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2019. Pogrebenie voina-vsadnika iz kurgannoy gruppy Yashkul' [Burial of the Warrior-Rider from Yashkul Barrow Group]. *Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS], no. 4, pp. 5-60. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60>

- Pshenichnik A.H., 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of 4th Century BC in the Southern Urals]. Ufa, IHLLLUSC RAS. 280 p.
- Rostovtsev M.I., 1918. Kurgannye nahodki Orenburgskoy oblasti epohi rannego i pozdnego ellinizma [Kurgan Finds of the Orenburg Region of Early and Late Hellenism]. *Materialy po arheologii Rossii* [Materials on Archeology of Russia], no. 37. Petrograd, Devyataya gos. tip. Publ. 124 p.
- Skvortsov N.B., Skripkin A.S., 2008. Pogrebenie sarmatskoy znati iz Volgogradskogo Zavolzh'ya [Burial of the Sarmatian Nobility from Volgograd Zavoljje]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 98-116.
- Skripkin A.S., Shinkar O.A., 2010. Zhutovskiy kurgan № 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurech'e [Sarmatian-Time Kurgan Zhutovsky № 27 in the Volga-Don Interstream region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 125-137.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Savromatians. Early History and Culture of Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 360 p.
- Smirnov K.F., 1981. Bogatye zahoroneniya i nekotorye voprosy sotsial'noy zhizni kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v skifskoe vremya [Rich Burials and Some Questions of the Social Life of Nomads of the Southern Urals in the Scythian Period]. *Materialy po hozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala* [Materials on the Economy and the Social System of the Tribes of the Southern Urals]. Ufa, IHLLBBASUSSR, pp. 68-91.
- Yablonskiy L.T., 2015. Elitarnaya subkul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya i mehanizmy formirovaniya rannesarmatskoy kul'tury [Elite Subculture of the Early Nomads of the Southern Urals and the Mechanisms of Formation of the Early Sarmatian Culture]. *Elita v istorii drevnih i srednevekovykh narodov Evrazii* [Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia]. Barnaul, ASU, pp. 37-60.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Washington, D. C., Smithsonian Institution Press. 479 p.

Information About the Authors

Olga A. Shinkar, Head of the Department of Archaeological Monuments, Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture, Kommunisticheskaya St, 19, 400005 Volgograd, Russian Federation, olga.shinkar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7769-3764>

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Информация об авторах

Ольга Анатольевна Шинкарь, начальник отдела памятников археологии, Волгоградский научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, olga.shinkar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7769-3764>

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>